

Только при полонизме в украинском стихе понятны будут искажения сербского:

*Вичуемъ съ поклономъ повернемъ
С подаруки пришли къ нему*

(Белградская народная библиотека, № 110)

Очевидно, первое должно читать: «виншуем» (*winszować*), второе — «подарунки» (*podarunek* — это слово вошло и в живой украинский язык в такой польской форме).

Из того же источника объясняется:

Пакъ и маломъ дяку подайте

(Белградская академия, № 27)

Этот «дяк» — школьник, прежде всего украинский; вся «орация» есть русско-украинское славение Христа школьником (сербское того же корня «ѣак», обычное название школьника, турецкое «шегрт»).

Наконец, может быть, только допуская стих в украинском чтении, можно восстановить нарушенную рифму стихов:

*Сказал ега тражити,
По всему свету искати*

(Белградская академия, № 27)

В соответствующем русско-украинском стихе (Бессонов, вып. 4, № 296) читается правильно: «питати» (т. е. спрашивать). Допуская же «тражити», получим повторение (серб. тражити — «искать»).

Эти примеры довольно определенно говорят о зависимости сербских стихов, нас интересующих, или от русско-украинских, или непосредственно от украинских. На такого же рода происхождение сербских стихов указывает и силлабическая с рифмой форма стихов. Как известно, силлабическая, равносложная и неравносложная форма, с определенным количеством слогов (13, 12, 11) и рифмой, с произвольным количеством слогов, отличающаяся от прозы только рифмой,¹⁰ появляется в русской искусственной поэзии с XVII в., а в украинской — еще с конца XVI в. Через школу она становится затем достоянием и народной поэзии, сначала украинской, а позднее и великорусской.

Духовный стих, теперь получивший название канта и псалмы, или вирша, отливается в эту форму прежде всего на Украине и отсюда, опять-таки через школу, достигает великорусской среды, довольно долго сохраняя как на родине, так и на севере следы своего происхождения. Полукнижный славяно-русский язык южного канта довольно долго сохраняет свой полународный характер, давая рядом с литературной речью украинизмы из практики живого языка. Эти же черты украинского происхождения долго сквозят даже в великорусских копиях XVIII в. в тетрадках, поддерживаемые специально украинской рифмой (вроде приведенных из сербских стихов). Эту форму мы находим и в интересующих нас сербских стихах. С другой стороны, в сербской православной духовной поэзии¹¹ мы такой формы до начала XVIII в. не встречаем.

Все это ведет к выводу, что силлабическая поэзия в сербской литературе, в том числе и народный стих, если в нем применена эта форма, находится в зависимости от русско-украинского. Такого рода предположение,

¹⁰ См. подробности: П. И. Житецкий. Мысли о малорусских думах; В. Н. Петт. Историко-литературные исследования и материалы, т. 1 (особенно гл. IV).

¹¹ Я имею в виду отличие ее от католической (далматинской, франкской) поэзии, стоящей в зависимости от итальянской лирики.